

Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина, М. В. Новиков

Человек в современной российской провинции (концепция и направления социокультурного исследования)

Работа выполнена по гранту РГНФ 14-03-18002

Статья открывает цикл публикаций по проекту социокультурного исследования, выполняемого по гранту РГНФ. Задачей коллективной работы было осуществление дискурса социальной реальности, включая коллективный опыт повседневности и индивидуальный опыт жизнеустройства. Исследование было направлено на выявление в ходе социокультурного опроса и индивидуальных интервью специфических личностных и коллективных интенций человека в современной России, рассматриваемого в специфической и универсальной (в силу геополитических и ментальных особенностей жизни в стране) модальностях. Наш проект не только укоренен в многолетних историко-теоретических исследованиях провинции, но имеет основания в виде непосредственного опыта эмпирических исследований, проводившихся с 2009 г. Обнародованные ранее результаты и процедура нынешнего исследования позволяют консолидировать научно-образовательное сообщество на основаниях позитивно детерминированной межличностной коммуникации, определить «болевы точки» духовно-нравственного бытия личности в провинции, предложить региональному сообществу пути преодоления «экзистенциального вакуума». Мы обозначили концентрические круги, в движении по которым можно было ответить на вопросы: во-первых, каковы *приоритеты* человека, живущего в современной российской провинции; во-вторых, каковы *перспективы* жизни этих людей, есть ли они, если есть, в чем заключаются и от чего зависит их достижение?

Ключевые слова: Современная российская провинция, человек, социокультурное исследование, дискурс, приоритеты, перспективы, опрос, интервьюирование, экзистенциальный и прагматический планы

T. S. Zlotnikova, T. I. Erokhina, M. V. Novikov

A Person in the Modern Russian Province (concept and directions of the socio-cultural research)

The article reveals a series of publications on the socio-cultural research, the project is performed under the grant RFH. The purpose of the collective research was the implementation of the discourse of social reality, including the collective experience of everyday life and individual experience order of life. In the course of the socio-cultural survey and individual interviews the purpose was to identify specific personal and collective intentions of people in modern Russia. Our project is based on years of theoretical and historical studies of the province, it has a foundation in the form of the direct empirical research which was being carried out since 2009. Published results and the procedure of the present study allow us to consolidate the research and education community on the grounds of positively deterministic interpersonal communication, to identify "pain points" of spiritual and moral life of the individual in the province, to offer the regional community ways of overcoming the "existential vacuum". We have identified the concentric circles in the movement by which it was possible to answer questions: what are the priorities of the person living in the modern Russian province and what are the prospects of life of these people and what do they achieve?

Keywords: a modern Russian province, people, a socio-cultural research, discourse, priorities, prospects, a survey, an interview, existential and pragmatic plans

Проект, материалы которого положены в основу данной и еще ряда последующих статей, наряду с органичной для коллектива ученых ЯГ-ПУ проблематикой российской провинции, обладает особым качеством: это – *полевое исследование*, предполагавшее не только фундированность научного подхода, но и тщательный, подробный и широкий дискурс социальной реальности, взятой в разнообразных ее проявлениях, включая коллективный опыт повседневности и индивидуальный опыт жизнеустройства.

При такой оригинальной и широкой постановке цели культурологического исследования

авторы не ставили перед собой задачи осуществления разездов, командировок, подчас переходящих в экскурсии. Поставленные в проекте задачи решались, действительно, в значительном географическом ареале – Ярославская область (города Ярославль и Углич), Урал (Екатеринбург, Челябинск), города ПФО (Ульяновск) и ЮФО (Воронеж). В следующей статье будет представлен детальный анализ результатов проведенного социокультурного опроса и принесены благодарности коллегам, которые приняли участие и способствовали *организации опросов в удаленном доступе*. Но – пока следует сказать особо о том,

что заинтересованное взаимодействие коллег, будь то ректор, декан, заведующие кафедрами – позволило *минимизировать физические передвижения и сосредоточиться в полевом исследовании на содержательной стороне работы.*

Научная проблема, на решение которой направлен проект, названный «Человек в современной российской провинции (социокультурное исследование приоритетов и перспектив)», состоит в специфических личностных и коллективных интенциях человека в современной России, рассматриваемого в специфической и универсальной (в силу геополитических и ментальных особенностей жизни в стране) модальностях.

Масштаб проблемы весьма существен, это связано с тем, что, по мнению участников проекта, проблема имеет несколько рядоположенных аспектов. Первый аспект имеет теоретико-методологический характер: интеграция философского, прежде всего аксиологического и культурфилософского, инструментария в сферу конкретных социокультурных исследований. Второй аспект имеет предметно-структурированный характер: обоснование комплекса приемов и подходов к изучению социокультурного феномена, каким является человек – житель современной провинции. Третий аспект имеет прикладной культурологический характер: разработка алгоритма изучения названного феномена в количественных и содержательных параметрах. Наряду с академическими характеристиками масштаба следует подчеркнуть социально-нравственные и социокультурные характеристики: поскольку Россия, главным образом, есть провинция, к тому же живущая в состоянии личностно мотивированной, подчас бессознательной оппозиции к столице, следует признать, что масштаб проблемы соразмерен масштабу страны.

Актуальность, казалось бы, уже давно изучаемой нами проблемы инспирирована, во-первых, потребностью жителей русской провинции в самопознании, самоописании и самореализации именно в том хронотопе (провинция, второе десятилетие XXI в.), который им предназначен в силу житейских обстоятельств; во-вторых, необходимостью для государства в целом, для руководства регионов понимания причин и сущности личностной неудовлетворенности, регулятивных возможностей и перспектив взаимодействия социума с «частным человеком». Подчеркнем: в ходе широко распространенных в академической сфере, в СМИ дискуссий о российской идентичности, о национальных скрепах и значи-

мых традициях, с одной стороны, и о разного рода региональных артефактах и событиях – с другой, теряется личность того человека, который созидает, воспринимает, обживает мир русской провинции.

Постановка вопроса, предложенная в новом проекте, не исключает, но, напротив, предполагает изучение провинции в разных аспектах и на разных уровнях ее бытия. Тем не менее, в центре исследования на этот раз именно *человек*. Напомним: *провинция* в ее историко-культурных (аутентичных, типологизированных) особенностях изучалась и изучается нами давно и планомерно; опубликован значительный корпус работ о русской провинции как феномене и об отдельных эпохах и явлениях в жизни русской провинции [1]. Но и *современность*, прежде всего российская, также постоянно изучается авторским коллективом в аспектах художественного творчества/творческой личности, массовой культуры, глобализационных и трансформационных процессов [2]. Но центром данного проекта определен именно человек: житель, творец, субъект и объект социальных, культурных, религиозных, образовательных, экономических процессов, происходящих в мире и в России. И вот теперь не провинция как таковая и не современная действительность во всем ее многообразии, а человек ставится в центр исследования, является его фокусом и призмой.

Напомним, что механизмы изучения именно человека в современной российской провинции отработывались нами на протяжении ряда лет и нашли отражение во многих наших объемных и локальных публикациях [3]. Естественно, учитывался опыт предшественников и, особо подчеркнем, коллег, так или иначе обращающихся к сходной проблематике.

В современной культурологической мысли сложилась далеко не гомогенная и достаточно противоречивая ситуация, связанная с разбросом подходов и даже определений разных аспектов проблематики, которую можно соотнести с социокультурными исследованиями российской провинции. В то же время мы считаем возможным выделить два направления работы, которые не имеют взаимной корреляции или интеграции, на осуществление которой направлен наш проект.

Первое из обозначившихся направлений – традиционно проводимые социологические опросы, осуществляемые прежде всего по заказу государственных, административных, общественных или иных организаций, реже носящие инициа-

тивный (собственно академически детерминированный) характер. В научном отношении такие опросы носят спекулятивный, прагматический характер. Они проводятся как крупными коллективами («Левада-центр» и т. п.), так и множеством региональных «институтов», «консалтинговых групп», позиционирующих себя как субъекты социологических исследований. Занимаясь сбором количественных данных и распространяя многостраничные анкеты, такие исследовательские группы в дальнейшем не осуществляют корректную презентацию полученных результатов ни в академической, ни в публицистической форме, презентуя лишь отрывочные сведения, отвечающие групповым интересам. Главный недостаток таких проектов и опросов: они не отражают экзистенциальную проблематику, не выводят на понимание проблематики духовной, культурной жизни личности в том или ином регионе. Отрывочные публикации в локальных по своей специализации изданиях, в лучшем случае – в журнале «Социологические исследования», не дают сколько-нибудь системной картины социокультурных практик в их актуальном значении.

Второе направление – научные исследования последнего десятилетия, носящие характер постановки проблемы и обозначающие отдельные грани социокультурной проблематики в ее теоретико-методологической определенности. Так, социокультурный модус характеризует как коллективные монографии, например, «Цивилизационная идентичность в переходную эпоху» [4], так и отдельные публикации О. Н. Астафьевой (2010–2012) по проблемам социальной жизни регионов и управленческой деятельности в них, работы по прикладной культурологии, изданные под редакцией и при участии И. М. Быховской (2010). Следует отметить методологически значимые для понимания социокультурных аспектов отдельных сфер жизни или отдельных актуальных проблем коллективные монографии, изданные в рамках грантов РГНФ, осуществлявшихся под руководством Н. И. Киященко [5]. Однако материалы, предъявляемые в этих и некоторых иных, в частности, создаваемых в рамках работы Научно-образовательного культурологического общества (НОКО), публикациях, не актуализируются в ходе практико-ориентированных исследований социокультурного характера. Не актуализируются и достаточно многочисленные конкретные провинциологические исследования, осуществляемые в ряде регионов (Самара, Мор-

довия, Северо-Запад России, Красноярск, а также Ярославль).

Таким образом, сложившаяся ситуация в сфере изучения заявленной проблемы может быть охарактеризована как противоречивая: при наличии значительного опыта опросной деятельности и использования формализованных, количественных методов исследования, с одной стороны, и значительной культурфилософской и социокультурной методологической базы изучения проблемы личности в современной культуре, отсутствует система корректных, методологически выверенных и статистически достоверных социокультурных исследований, раскрывающих конкретную значимую проблему применительно к конкретному репрезентативному российскому региону.

Наше исследование человека в современной российской провинции основано на стремлении к достижению верифицируемых, конкретных и индивидуально детерминированных данных с методологической фундированностью, что является существенным отличием нашего проекта от большинства полевых исследований. Так, наряду с методологически фундированными методами (культурфилософским, аксиологическим, историко-типологическим, задействованными при постановке проблемы полевого исследования), будут использованы методы, имеющие *прикладной* характер. К весьма результативным методам полевого социокультурного исследования относятся как содержательно значимые и личностно детерминированные (включенное наблюдение, интервьюирование), так и количественный метод социокультурного опроса. Особенности применения трех названных методов связаны в настоящем проекте со следующими *подходами* к изучению личности жителя современной российской провинции: коллективная культуросообразная коммуникация, учитывающая закономерности функционирования массового сознания (включенное наблюдение, социокультурный опрос), межличностная культуросообразная коммуникация, опирающаяся на рефлексию индивидуального сознания (интервьюирование). В числе подходов, учитываемых в процессе реализации всех исследовательских методов, назовем также гендерный, социально-демографический, социально-психологический и социокультурный.

Наш проект, о котором речь идет в данной статье, не только укоренен в многолетних историко-теоретических исследованиях, но *имеет основания в виде непосредственного опыта эм-*

пирических исследований. Так, в течение последних 5 лет получены результаты по двум укрупненным группам исследований. С 2009 по 2011 г. проведены социокультурные исследования в реальном и виртуальном режимах; выборка составила по одному из опросов (в пилотном режиме) 135, по другому 560 человек, проинтервьюировано было всего 30 человек. В 2012–2013 гг. проведено 11 интервью топ-представителей провинциальной социокультурной среды и анкетирование (выборка 235 человек), а также проанализированы материалы творческих работ студентов и старшеклассников на тему «Русская провинция отличается от...».

Оригинальность авторской концепции нынешнего исследования, связанного с прежними работами, заключается в интегративной логике построения материалов, подготовленных для реализации различных механизмов исследования. Взаимная корреляция получаемых в ходе количественного анализа и контент-анализа данных связана с вариативностью вопросов и предложений, адресованных анонимной выборке и специально отобраным участникам интервью. Взаимная корреляция полученных результатов достигается также за счет привлечения к исследованию (интервьюированию) конкретных персон-руководителей отдельных структур, учреждений, служб – и, одновременно, групп их сотрудников, составляющих выборку анкетирования.

Например, вопросы, поставленные перед респондентами, позволили установить уровень личностных притязаний, культурных запросов, нравственных интенций, проанализировать значимые специфические особенности представителей разных социально-демографических групп, прежде всего с учетом возрастных характеристик. Проведение опросов и интервью дало возможность установить имплицитно проявляющееся воспитательное воздействие процедуры опросов и личности интервьюеров на выборку.

Результаты прежних и в особенности данного социокультурного исследования современного российского провинциала позволяют создать прецедент конкретно-эмпирического, укорененного в реалиях определенного российского ареала с характерными для него историко-типологическими признаками изучения личности, предложить матрицу исследовательских работ для других российских регионов, прежде всего – Центральной России, что, впрочем, не исключает возможности экстраполяции механизмов и результатов в условия других регионов

страны. Не только обнародованные (и это – важная особенность нашей работы) результаты, но и сама процедура такого исследования позволяет консолидировать научно-образовательное сообщество на основаниях позитивно детерминированной межличностной коммуникации; наконец, определить «болевы́е точки» духовно-нравственного бытия личности в провинции, предложить региональному научно-образовательному и управленческому сообществу пути преодоления явно оторефлексируемого участниками опросов и интервьюирования «экзистенциального вакуума».

Особенная ценность и значимость проекта заключается в его преемственности по отношению к прежним. Вряд ли можно было бы рассчитывать на интенсивную работу относительно небольшого коллектива (9 человек, из которых 2 аспиранта, 4 доктора наук 3 кандидата) в краткий период, поскольку проект выполняется в течение 1 года. Однако данных, от которых мы отталкивались при разработке опросных материалов и сопоставлении полученных результатов, накопилось немало. Наши предшествующие исследования, по сути дела, уже подготовили возможность дать конкретные ответы на вопросы, которые с разными акцентами стояли перед исследователями и на этот раз: «*Что человек думает о себе, ближайшем окружении, мире?*», «*Как себя чувствует в ближайшем окружении, в мире?*», «*Кто он – школьник, студент, молодой специалист, пожилой – при этом работающий – человек, преподаватель – субъект деятельности в разных сферах и на разных уровнях образовательной деятельности, сотрудник музея или библиотеки, режиссер, музыкант, архитектор, врач, журналист далеко не регионального масштаба, госслужащий, специалист – субъект сферы материального производства, руководитель – ведущая фигура в жизни региона и не только данного, будь то ректор, директор департамента, президент общественно-экономической структуры?*».

Имплицитно давно уже присутствуют и с разных точек зрения обсуждаются в ходе проведенных нами ранее и только что завершенного исследования и такие, по сути дела, «вечные» вопросы российского, точнее российско-провинциального бытия: *существует ли «провинция внутри провинции»?* И что это – особое пространство, понимаемое в широком смысле (иногда говорят «поедем в город», имея в виду перемещение из спального района города в его

исторический центр); локальные фрагменты привычного ареала жизни, расположенные вовсе не в сердцевине провинциального пространства («торговый центр», «учебный центр», «культурный центр», «производственный центр»); своя, особая часть общего пространства, также необязательно расположенная в центре либо на окраине (любимая, облюбованная, случайно найденная)? К этой группе не высказанных в процессе общения с респондентами, но осознаваемых исследователями в качестве значимых вопросов, примыкают и другие, поистине болезненные вопросы – о потребности «вырваться» из провинции. Например: каковы способы, которые готовы выбрать или ищут жители провинции – уехать / навсегда; выехать / на время (на учебу, в гости, на экскурсию); переодеться / изменить внешний вид (что-то новое купить, уподобить себя киноперсонажу, иному человеку); переосмыслить момент или определенный период жизни (через виртуальные или реальные, коммуникативные операции)? Рефлексия и саморефлексия, инспирированная исследователями, впоследствии отражается в размышлениях и поведении тех, кто, казалось бы, лишь пассивно принимал участие в опросе либо давал интервью.

Обозначенное в нашем исследовании 2014 г. проблемное поле, аккумулируя в себе значимые в экзистенциальном и прагматическом планах, едва ли «вечные вопросы», было осознано и как основание формирования выборки, и как основание обращения к отдельным персонам для осуществления интервьюирования. Аспекты, в которых воплощается это проблемное поле, мы видим следующими: *Я и провинция / провинция и Я; выбор места и времени жизни, обучения, профессиональной деятельности / отсутствие выбора («приговор?»); традиции (места, семьи/рода, среды и т. п.) и новации, инновации (возможности, потенциал, желания) – проблема свершенности/несвершенности; визуальное и материальное воплощение концепта/понятия «свое» – что это (как или в чем выражено)? нематериальное воплощение концепта/понятия «свое», например, настроение или атмосфера – что это (как или в чем выражено)? природные, «естественные» реалии и знаки (свой регион – и другие регионы/страны?); люди, антропологические реалии и знаки (поведение, внешний облик, речь, включая фонетику, свой регион – и другие регионы/страны?); другая провинция – в России (где именно, какая по своим признакам?), в бывшем СССР (где именно, какая по своим призна-*

кам?), за рубежом – Запад, Восток...? другая жизнь – планета (столица)?

Таким образом, мы обозначили концентрические круги, в движении по которым можно было ответить на вопросы, поставленные в формулировке *темы нашего гранта*: во-первых, каковы *приоритеты* человека, живущего в современной российской провинции (и – сколько их, и – в каких сферах, материальной, духовной лежат они, насколько осознаны респондентами)? И, во-вторых, каковы *перспективы* жизни этих людей, есть ли они, если есть, в чем заключаются и от чего зависит их достижение, если нет – почему?

Предвосхищая две следующие статьи, которые нашими коллегами будут посвящены анализу результатов социокультурного опроса и материалов интервьюирования, подчеркнем уже явственно обозначившееся понимание главного итога. *Результаты*, которые мы получаем в ходе нашего нынешнего исследования, как мы полагаем, будут востребованы в России и, прежде всего, – в провинции как генетически и социально-политически детерминированном универсуме; ибо эти результаты детерминированы потребностью в выявлении приоритетов, равно значимых для социума и личности, и перспектив трансформаций российских реалий в интересах саморазвития субъектов культуросообразной деятельности. Помочь современному российскому провинциалу узнать себя, понять смысл происходящих и предстоящих событий, повлиять на собственную судьбу и противостоять моде на социально-культурную деструктивность – имплицитно реализуемые задачи исследования, на решение которых повлияет не только публикация результатов исследования, но и процесс научно-образовательной коммуникации в ходе проведения исследования.

Библиографический список

1. Злотникова, Т. С. Антон Чехов, интеллигент из провинции [Текст] / Т. С. Злотникова // Мир русской провинции и провинциальная культура. – СПб., 1997.
2. Злотникова, Т. С. Провинция [Текст] / Т. С. Злотникова // Культурология: энциклопедия : в 2 т. – М., 2007. – Т. 2.
3. Злотникова, Т. С. Провинциальная культура как объект прикладной культурологии [Текст] / Т. С. Злотникова // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований / под ред. И. М. Быховской. – М., 2010.
4. Летина, Н. Н. Ойкумена русской провинциальной культуры [Текст] / Н. Н. Летина // Вопросы культурологии. – 2009. – № 2. – С. 20–23.

5. Злотникова, Т. С., Новиков, М. В. Трансформации российского опыта в зеркале бинарных культурологических оппозиций [Текст] / Т. С. Злотникова, М. В. Новиков // Современная культурология: научная школа профессора Л. М. Мосоловой. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. – С. 51–61.

6. Личность в современной русской культуре: стратегии социокультурного изучения [Текст] : учебное пособие / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, М. В. Новикова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. – 144 с.

7. Образы города в горизонте российской динамики [Текст] : научный сборник / отв. ред. М. В. Новиков, Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – 459 с.

8. Злотникова, Т. С. Социокультурный портрет провинции глазами будущих культурологов [Текст] / Т. С. Злотникова // Ярославский педагогический вестник. – 2002. – № 3.

9. Личность в современной русской культуре: культуросообразность образования и жизнеустройства [Текст] : научный сборник / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, М. В. Новикова, Н. Н. Летиной. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – 220 с.

10. Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах [Текст] : коллективная монография / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной, Н. Н. Летиной, М. В. Новикова. – Ярославль, 2013.

11. Кондаков, И. В., Соколов, К. Б., Хренов, Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты [Текст] / И. В. Кондаков, К. Б. Соколов, Н. А. Хренов. – М.: Прогресс-Традиция, 2011.

12. Толерантность в культуре и процесс глобализации [Текст]. – М.: Гуманитарий, 2010.

Bibliograficheskiy spisok

1. Zlotnikova, T. S. Anton Chehov, intelligent iz provincii [Tekst] / T. S. Zlotnikova // Mir russkoj provincii i provincial'naja kul'tura. – SPb., 1997.

2. Zlotnikova, T. S. Provincija [Tekst] / T. S. Zlotnikova // Kul'turologija: jenciklopedija : v 2 t. – M., 2007. – T. 2.

3. Zlotnikova, T. S. Provincial'naja kul'tura kak ob#ekt prikladnoj kul'turologii [Tekst] / T. S. Zlotnikova // Kul'turologija: fundamental'nye osnovanija prikladnyh issledovanij / pod red. I. M. Byhovskoj. – M., 2010.

4. Letina, N. N. Ojkumena russkoj provincial'noj kul'tury [Tekst] / N. N. Letina // Voprosy kul'turologii. – 2009. – № 2. – S. 20–23.

5. Zlotnikova, T. S., Novikov, M. V. Transformacii rossijskogo opyta v zerkale binarnyh kul'turologicheskikh oppozicij [Tekst] / T. S. Zlotnikova, M. V. Novikov // Sovremennaja kul'turologija: nauchnaja shkola professora L. M. Mosolovoj. – SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2013. – S. 51–61.

6. Lichnost' v sovremennoj russkoj kul'ture: strategii sociokul'turnogo izuchenija [Tekst] : uchebnoe posobie / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, M. V. Novikova. – Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2009. – 144 s.

7. Obrazy goroda v gorizonte rossijskoj dinamiki [Tekst] : nauchnyj sbornik / otv. red. M. V. Novikov, T. S. Zlotnikova, T. I. Erohina. – Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2010. – 459 s.

8. Zlotnikova, T. S. Sociokul'turnyj portret provincii glazami budushhix kul'turologov [Tekst] / T. S. Zlotnikova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2002. – № 3.

9. Lichnost' v sovremennoj russkoj kul'ture: kul'turosoobraznost' obrazovanija i zhizneustroenija [Tekst] : nauchnyj sbornik / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, M. V. Novikova, N. N. Letinoj. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2010. – 220 s.

10. Model' kul'tury russkoj provincii v autentichnom, istoriko-tipologicheskom i globalizacionnom diskursah [Tekst] : kollektivnaja monografija / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinoj, N. N. Letinoj, M. V. Novikova. – Jaroslavl', 2013.

11. Kondakov, I. V., Sokolov, K. B., Hrenov, N. A. Civilizacionnaja identichnost' v perehodnuju jepohu: kul'turologicheskij, sociologicheskij i iskusstvovedcheskij aspekty [Tekst] / I. V. Kondakov, K. B. Sokolov, N. A. Hrenov. – M.: Progress-Tradicija, 2011.

12. Tolerantnost' v kul'ture i process globalizacii [Tekst]. – M.: Gumanitarij, 2010.